

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат-невидимка

Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Адвокат – невидимка

«ЭКСМО»

Борохова Н. Е.

Адвокат – невидимка / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
— (Адвокатский детектив)

Молодой адвокат Елизавета Дубровская восхищалась своим маститым коллегой Владимиром Лещинским и даже помыслить не могла, что вскоре увидит его на скамье подсудимых! В постели известного ловеласа Лещинского обнаружили задушенную девушку, и все улики указывали – это сделал именно он. Только Дубровская не сомневалась: ее клиента подставили, хотя Лещинский вовсе не интересовался мнением Лизы, считая своего защитника лишь статистом на этом процессе. Но вскоре девушка раскопала в прошлом адвоката нечто, заставившее ее усомниться в его невиновности...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Борохова

Адвокат–невидимка

Глава 1

В зале судебных заседаний № 323, без преувеличения, могло разместиться небольшое футбольное поле. Но в день, когда началось рассмотрение уголовного дела против господина Кренина, там яблоку негде было упасть. Публика, пропущенная через рамку металлоискателя, несколько присмирившая под сводами Дворца правосудия, ожидала сенсаций. Взгляды зрителей были прикованы к скамье подсудимых, на которой, за пуленепробиваемым стеклом, восседал главный фигурант уголовного дела.

Господина Кренина, даже в столь плачевной ситуации, сложно было назвать подсудимым. Высокий холеный мужчина, в дорогом костюме, явно сшитом на заказ, казалось, только что вышел из своего кабинета в городской администрации для того, чтобы запросто пообщаться с народом. Его лицо, чисто выбритое и увлажненное дорогим кремом, выражало скуку и пресыщенность. Он чуть выпячивал нижнюю губу, так что со стороны это казалось проявлением брезгливости ко всему, что происходило вокруг, и ко всем собравшимся одновременно. Кренин изучал потолок, в то время как публика изучала его. Ему было наплевать на чувства сидящих в зале, и народ это чувствовал, не особо скрывая при этом свое злорадство.

Другой заметной фигурой в зале был, вне всяких сомнений, государственный обвинитель Немиров. Всем, кто был хоть немного знаком с расстановкой сил в юридическом мире большого города, было известно, что само участие в процессе этого прокурора означает особую значимость уголовного дела. Немиров знал закон, как свои пять пальцев, имел бульдожью хватку и каждого подсудимого воспринимал как личного врага. Но сегодня бравый обвинитель чувствовал себя не в своей тарелке, и виной тому было даже не то обстоятельство, что дело рассматривалось судом присяжных. Он без особого интереса листал свои записи и изредка поглядывал в сторону входа. Со стороны казалось, что он кого-то поджидает. Но, когда дверь распахнулась, пропуская в зал высокого представительного мужчину, прокурор тяжело вздохнул – зря он надеялся на счастливую случайность, Лещинский все-таки пришел.

При появлении известного адвоката публика едва ли не встала со своих мест в знак приветствия. Лещинский слегка поклонился, словно был не в зале заседаний, а на сцене. По рядам пробежал оживленный шепоток, кто-то даже захлопал в ладоши. У Немирова свело судорогой челюсти. Он едва нашел в себе силы кисло улыбнуться в ответ на адресованное ему приветствие.

Публику можно было понять. Лещинского называли королем среди защитников. Он не проиграл пока ни одного громкого дела, и его участие в процессе гарантировало успех. Правда, злые языки величали его Королем грязи, поскольку на пути к своей цели он не брезговал ничем. Справедливости ради следовало бы заметить, что истина, как всегда, находилась где-то посередине. Успешных и одаренных, как правило, не особо жалуют. Тем более что сам Владимир Лещинский был отличной мишенью для завистников. Импозантный мужчина, в самую пору зрелости, с легкой сединой на висках, неизменно вызывал у женщин чувство немомго обожания. Представители сильного пола, абстрагируясь от кинематографической внешности известного защитника, уважали его за острый ум и оборотистость. В общем, о нем говорили много разного. Но если речь заходила о защите по какому-нибудь безнадежному делу, становилось ясно: лучшего адвоката, чем Лещинский, все равно не найти!

– Государственный обвинитель, вам предоставляется вступительное слово, – произнес судья, объявляя тем самым начало судебного следствия.

Немиров встал, по привычке проверяя, все ли пуговицы на его мундире застегнуты, и, обращаясь к присяжным, произнес краткую вступительную речь:

– Уважаемые присяжные заседатели! Вам предстоит решить вопрос о виновности человека, находящегося сейчас на скамье подсудимых. Вы, вне всяких сомнений, видели его ранее на экранах телевизоров и знаете, что он занимал высокий пост в администрации города. Он заведовал комитетом по имуществу и, образно говоря, был хозяином в нашем с вами общем доме. Тем чудовищнее кажется преступление, в котором он обвиняется. Кренин изнасиловал и убил молодую женщину, бывшую на протяжении последнего года его личным секретарем. Причем сделал он это цинично и нагло в ее собственном доме, в ее собственной постели.

Обвинение представит вам неопровержимые доказательства его виновности. Выслушав наших свидетелей, изучив вещественные доказательства, вы придете к единственно верному решению: признать подсудимого виновным и назначить ему наказание без учета смягчающих обстоятельств. Ведь оправдания господину Кренину нет!

Немиров поставил в конце жирный восклицательный знак, надеясь, что присяжные разделят его праведное возмущение. Обвинитель знал, что выбрал верную тактику, напирая на то, что подсудимый занимал в недалеком прошлом ответственный пост и, казалось бы, относился к касте неприкасаемых. Но и его настиг карающий перст Закона, и сегодня судьба именитого чиновника решалась теми, кого он совсем недавно видел только из салона своего роскошного «БМВ». Присяжные заседатели, обыкновенные горожане, доведенные до ручки дурным содержанием собственных подъездов и дворов, обилием на улицах бомжей и дворовых собак, не могли испытывать к такому человеку симпатии. Каждый из них был только рад редкой возможности свести счеты с обнаглевшим чиновником, тем более оказавшимся насильником и убийцей. Это обвинение было как нельзя кстати. Где вы видели, чтобы за мусорные кучи во дворах давали пожизненное заключение? А теперь появилась хорошая возможность, в полном соответствии с законом, засадить преступника за решетку и навсегда потерять от нее ключи.

Немиров был уверен, что присяжные думают именно так, и у него были бы блестящие шансы на победу, если бы не присутствие в зале его процессуального противника. От Лещинского можно было ожидать всего чего угодно...

– Ваше слово, адвокат Лещинский! – произнес судья, и взгляды присяжных, как по команде, переместились в сторону защитника.

– Господа присяжные! – обратился он к ним на старомодный манер, однако затем, по всей видимости, не удовлетворившись огромной дистанцией между ним и местом для вновь избранных судей, подошел ближе к скамье и, опершись на деревянные перила, продолжил: – Государственный обвинитель был неправ. Господин Кренин ни в чем не виноват, и вы сможете убедиться в этом очень скоро. Взгляните на него. Разве он похож на особо опасного преступника? – Лещинский усмехнулся. – Не более, чем мы с вами. Благодарю за внимание!

Он вернулся на место...

Присяжные переглянулись. Они чувствовали себя обманутыми: ожидали от защитника театрализованного действия, а получили вместо этого выход с поклоном. На их лицах явно читалось разочарование.

«Боже мой! – думал Немиров. – Да эта самая беспомощная речь, которую я когда-либо слышал. Похоже, Лещинский выдохся. Странно, почему я его так боялся?»

Судья тоже не скрывал своего замешательства. Пожав плечами, что должно было означать недоумение, он обратился к сторонам:

– Ну, что же! Тогда перейдем к изучению доказательств. Государственный обвинитель готов к их представлению?

Немиров встал и, скопировав фирменный поклон своего противника, ответил:

– Разумеется, ваша честь! Я вызываю в зал заседаний потерпевшего Лежнева...

Лежнев был молод и плечист. Поигрывая накачанными мускулами, заметными даже под тонким шерстяным джемпером, он не производил впечатления человека, легко прощающего обиду.

– Да. Погибшая приходилась мне сестрой. Я очень любил Лару, – говорил он, отвечая на вопрос прокурора.

– Известно ли вам, в каких отношениях была ваша сестра с подсудимым Крениным?

Мужчина вздохнул, словно ответ требовал от него физических усилий.

– Они были любовниками. – Попробовав на вкус фразу, Лежнев остался недоволен. – Не подумайте ничего такого. Лара была приличной девушкой. Она просто мечтала о семейном счастье.

– Но подсудимый, как известно, уже был женат?

– Да, но он рассказывал ей, что его семья находится на грани развода. Кренин говорил, что не любит свою жену и собирается развестись.

– Известная уловка, не так ли?

– Может, оно и так. Но не забывайте, Ларе было всего двадцать лет. Она была молода и наивна.

– А у вас есть соображения, по какой причине Кренин убил ее?

Вопрос был задан с нарушением установленных правил ведения допроса, и председательствующий уставился на адвоката, дожидаясь от него возражений. Однако Лещинский улыбался чему-то и рассматривал свои ухоженные руки. По всей видимости, известный защитник не ленился посещать салон красоты. Ногти у него были отполированы до блеска, а кожа рук, не испорченная физическим трудом, казалась белой и чистой, как у пианиста.

Не дождавшись возражений, судья все-таки стукнул молоточком.

– Государственный обвинитель! Вы просите свидетеля сделать выводы, основанные на его умозаключениях. Суд же интересуется только факты.

– Простите, ваша честь. Я снимаю вопрос. Скажите, Лежнев, а вы видели на теле своей сестры какие-нибудь телесные повреждения?

Потерпевший помрачнел.

– Вы имеете в виду еще при жизни?

– Разумеется, так.

– Видел, – выдохнул Лежнев и посмотрел на подсудимого мрачным долгим взглядом. – Однажды на бедрах Лары, на пляже, я заметил хорошо различимые кровоподтеки. Сестра старательно прикрывала их полупрозрачной накидкой. Приглядевшись получше, я увидел похожие следы на шее и руках.

– Вы спросили о происхождении этих следов?

– Конечно. Лара была сильно смущена и долгое время не хотела мне отвечать. Но я был настойчив, и она поведала, что эти кровоподтеки причинил ей Кренин.

– Он избивал ее?

– Да нет. Просто у него была своеобразная манера заниматься любовью. Он обожал насилие. Кренин заставлял Лару сопротивляться. Видите ли, только так он мог получить удовлетворение.

– Вы хотите сказать, подсудимый был садистом?

Судья бросил взгляд на адвоката:

– Защитник, у вас нет возражений по поводу поставленного вопроса? Он носит явно наводящий характер.

Лещинский оставил в покое собственные руки.

– Конечно, ваша честь! Я возражаю.

– Спасибо, что снизошли до нас, – поблагодарил его судья. – У вас будут вопросы к свидетелю?

- Нет, ваша честь, – проговорил защитник, нехотя приподнимаясь с места.
- В зал заседаний приглашается свидетельница Ковалева!

Вошла благообразная женщина, по виду напоминающая школьную учительницу. Сходство довершал длинный серый костюм безо всяких излишеств и скучный пучок на голове, скрепленный шпильками.

– Я долгое время являлась секретарем господина Кренина... – произнесла она.

– Позвольте, а кем же тогда была потерпевшая Лежнева? – спросил прокурор, вполне натурально изобразив недоумение.

– Она была *личным* секретарем, – произнесла женщина, и присяжным почудился скрип ее зубов.

– Что вы имеете в виду под понятием *личный* секретарь?

– Разумеется, вам лучше спросить об этом господина Кренина. Но могу сказать, что в мои обязанности входило получение и отправление корреспонденции, планирование рабочего графика господина Кренина, встреча посетителей в его приемные дни, а также деловые звонки, бумажная волокита, ремонт оргтехники, покупка расходных материалов...

– Позвольте, а чем же занимался тогда личный секретарь? – перебил Ковалеву обвинитель.

– Лара готовила ему кофе.

– Что? И это все?

Женщина пожевала губами, скрывая насмешку:

– Ну, она еще сопровождала его на различные мероприятия.

– А в каких отношениях был ваш начальник со своим личным секретарем?

– Разумеется, в самых близких.

– Почему вы так решили?

– Господин Кренин по громкой связи вызывал к себе Лежневу: «Зайдите ко мне, Ларочка. Надо поработать с документами. Зоя Петровна, проследите, чтобы нам не мешали». Последняя реплика была адресована, конечно, мне. После этого задвижка на двери, ведущей в кабинет, закрывалась. Лежнева появлялась в приемной примерно через час, поправляя на себе юбку и избегая встречаться со мной взглядом. Часто она казалась мне расстроенной.

– Я так понимаю, вы осуждали девушку?

Женщина удивилась:

– Отнюдь! Я жалела Ларочку. Видит бог, она была неплохой девушкой, но чрезвычайно стеснительной и робкой. Кроме того, у нее было сложное материальное положение, и лишиться работы для нее было равносильно самоубийству. Она угождала начальнику от безысходности, а не из-за склонности к разврату.

– Благодарю вас...

– У защитника будут вопросы к свидетелю?

Лещинский посмотрел на судью так, словно тот отвлек его от какого-то важного дела.

– У меня нет вопросов, ваша честь!

Судья смерил адвоката недоверчивым взглядом.

– Защитник, вы понимаете, что упускаете возможность допросить важного свидетеля?

– А зачем мне ее допрашивать? Ковалева кажется мне кристально честной женщиной.

У прокурора отвисла челюсть.

«Да, у Лещинского и в самом деле съехала крыша. Он даже не пытается бороться. Ну, что же! Во всяком случае, это мне только на руку...»

Глава 2

Гром грянул в пятницу, после обеда.

– В зал вызывается свидетельница Кренина Василиса Павловна, – произнес государственный обвинитель, и взгляды присутствующих обратились в сторону двери, откуда должна была появиться супруга подсудимого.

Она шла к свидетельской трибуне, как приговоренная к смертной казни направляется на эшафот. Ее обшаривали десятки любопытных глаз, стараясь найти на лице смятение и страх. Ей в спину неслись приглушенные смешки, словно она обвинялась в чем-то постыдном. В глазах присяжных читались жалость и презрение. Грязное белье господина Кренина, вытряхнутое при всем честном народе, запоганило и ее саму, без вины виноватую.

– Вы являетесь супругой подсудимого? – задал первый вопрос государственный обвинитель, и все затаили дыхание.

– Совершенно верно, – раздался ровный, спокойный голос. – Я являюсь обманутой женой господина Кренина.

– Объясните, пожалуйста.

Женщина пожала плечами.

– Я полагаю, все уже знают о том, что у моего мужа была любовница, Лара Лежнева. Я – не исключение. Мне это было известно задолго до того, как муж предстал перед судом.

Сказано это было нейтральным тоном, без малейшего намека на истерику.

Присяжные повнимательнее взглянули на свидетельницу и словно впервые обнаружили, что перед ними находится еще вполне привлекательная женщина, с аристократической посадкой головы и безупречными манерами. Она прекрасно владела и собой, и своими эмоциями. Только в ее серых глазах, казалось, навсегда застыла печаль.

– Вы выражали свое недовольство супругу относительно его связи на стороне? – поинтересовался обвинитель.

Кренина горько усмехнулась.

– Разумеется. Но до моих возражений ему не было никакого дела. Он был увлечен молодой, хорошенькой девушкой. Вы знаете, через что мне пришлось пройти? – Свидетельница повернулась лицом к скамье присяжных, отыскивая глазами женщин-единомышленниц. – Все эти возвращения за полночь, запах чужих духов и следы помады на рубашке, неловкие отговорки... Каждый, кто сталкивался с этим, поймет меня. Я пыталась сохранить брак, но безуспешно. Видите ли, я не могу иметь детей, по медицинским показаниям, и, должно быть, мне следовало уступить, отдать его сопернице...

– Мне кажется, подсудимый меньше всего стремился к продолжению рода! – ухмыльнулся прокурор, и судья, без всякой надежды взглянув на дремлющего защитника, стукнул молоточком.

– Государственный обвинитель, не забывайте, мы с вами не в театре. Уберите все эти ненужные эффекты. Присяжные сами сделают выводы.

– Простите, ваша честь, – опомнился Немиров. – Продолжайте, Василиса Павловна.

Он взглянул в лица присяжных и понял, что свидетельница покорила их своей прямоотой и искренностью. Нужно было быть березовым чурбаном, чтобы не испытывать к ней сочувствия.

– ...Однажды я собиралась отдать его костюм в чистку и обнаружила в кармане брюк носовой платок с засохшей... спермой, – говорила она. – А в следующий раз мне попались женские розовые трусики с буквой «Л»...

Все присяжные-женщины взирали на подсудимого так, словно перед ними был их собственный муж, уличенный в измене. Прокурор еле сдержался от того, чтобы не потереть руки, выражая полное удовлетворение.

– Вы знали, где жила соперница?

– О, да! Это несложно было сделать. Секретарь Ковалева дала мне ее адрес, и я, приехав туда однажды вечером, увидела во дворе припаркованный автомобиль мужа.

– Скажите, свидетельница, а у вашего супруга были э-э-э... как бы лучше выразиться? Были ли у него не совсем обычные сексуальные пристрастия? – спросил Немиров, с опаской взглянув в сторону судьи.

Женщина покраснела, испытал неловкость.

– Мне трудно говорить об этом, ведь в последнее время у нас не было близости. Но мой муж всегда был немного напорист... Если вы понимаете, что я имею в виду. Он мог причинить боль намеренно. Кстати говоря, в нашем доме появились кассеты совершенно гнусного содержания, со сценами насилия, группового секса. Мне было не по себе, когда муж, закрывшись в гостиной, просматривал их.

Прокурор радостно закивал головой:

– Обращаю внимание присяжных, что порнографические кассеты со сценами извращенного секса были приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Присяжные зашевелились на своих местах, должно быть, обсуждая, покажут ли им запретные фильмы. На лицах многих слушательниц появилось брезгливое выражение. «Извращенец!» – хотелось плюнуть им в адрес подсудимого.

Спокойным оставался лишь адвокат Лещинский. Сидя на своем месте, он что-то рисовал в блокноте. Судя по всему, забавные рожицы, поскольку с его лица не сходила какая-то блаженная улыбка.

Беспокойство начал выражать даже подсудимый. Ерзая на своем месте, он готов был заложить душу дьяволу, лишь бы узнать, о чем размышляет его чертов адвокат в тот момент, когда их дело несется по наклонной плоскости вниз.

– Свидетельница, вы что-нибудь хотите сообщить суду насчет того дня, когда было совершено убийство Лары Лежневой?

Василиса Павловна набрала в грудь больше воздуха. Ей предстояла нелегкая задача, ведь о том самом дне она знала очень много...

– В тот день между нами вспыхнула нешуточная ссора. Я сказала мужу, что больше не намерена терпеть его измены. Он грязно выругался и ушел, хлопнув дверью. «Поехал к Ларе», – подумала я. Осознавая, что больше не могу и дальше жить во лжи, я решила встретиться с любовниками – необходимо было раз и навсегда решить эту проблему. Сев за руль, я проследовала на знакомую мне улицу.

Автомобиль супруга стоял, как и обычно, на своем месте, под раскидистым кленом. Я долгое время сидела в салоне своей машины, обдумывая, как себя повести в квартире любовницы моего мужа. Подняв глаза, я видела наглухо зашторенные окна спальни и понимала, что сейчас они наверняка занимаются любовью. У меня дрожали руки, путались мысли в голове, но я все не решалась идти к ним, как, впрочем, не собиралась и уезжать обратно.

– Сколько времени вы просидели в машине?

– Где-то около часа. Когда я приехала, было около десяти часов вечера. Уже стемнело.

– У вас с собой были часы? – спросил прокурор, предвосхищая возможный вопрос адвоката.

– Да. В автомобиле, на передней панели, прямо перед глазами. Кроме того, работало радио. Транслировали постановку по роману Агаты Кристи. Дайте-ка вспомнить... Актер вскрикнул: «Вот те на, да она мертва!» Я вздрогнула. В это время дверь подъезда отворилась,

и на улицу выбежал мой супруг. Казалось, он страшно куда-то торопится: когда сел в машину, по всей видимости, перепутал передачу и задел задним бампером клен. Не выясняя, что произошло, он рванул вперед и на бешеной скорости помчался со двора.

– Вы не вспомните, что показывали часы в тот момент, когда ваш супруг покидал дом Лежневой?

– Одиннадцать с минутами.

– Благодарю, – расщедрился на улыбку обвинитель и, обращаясь к присяжным, произнес: – Обращаю ваше внимание, что время смерти Лежневой Ларисы было установлено экспертом весьма в узких пределах: с девяти до одиннадцати часов вечера. Это значит, что, когда наша свидетельница смотрела на окна спальни из салона своего автомобиля, там происходило убийство!

Прокурор взглянул в сторону судьи, и не напрасно. Тот стукнул молоточком и, глядя почему-то на защитника, тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнес:

– Я вас еще раз прошу соблюдать закон! Выводы будут делать присяжные в совещательной комнате.

Немиров смиренно потупил взор:

– Извините, ваша честь! Вырвалось...

– Надеюсь, у защитника будут вопросы к свидетельнице Крениной? – спросил председательствующий.

Лещинский встрепенулся, словно только что вернулся с небес на землю. Судья явно хотел от него что-нибудь услышать.

– Пожалуй, ваша честь! – Он повернулся к свидетельнице, смерил ее с головы до пят долгим взглядом, зачем-то ухмыльнулся: – Вы что-то говорили про Агату Кристи?

– Я? – удивилась женщина. – Ну да, говорила про постановку ее романа на радио.

– А! Так это была постановка? – обрадовался защитник.

– Надеюсь, вы слышали допрос свидетеля? – недобро поинтересовался судья.

– Конечно, ваша честь! Но меня удивило то, что госпожа Кренина, сидя в салоне автомобиля «с дрожащими руками и путающимися мыслями», способна слышать голоса актеров. Как вы сказали? – Он наморщил лоб: – «Она мертва!» Это что, выдумка?

– Это не выдумка! – обиделась женщина. – Там говорили еще что-то такое: «Она по-прежнему сидела в кресле, спиной к ним. Лишь подойдя ближе, они увидели ее лицо – распухшее, с синими губами и вытаращенными глазами».

– Вы что, цитируете протокол осмотра трупа Лежневой?

– Нет, это всего лишь театральная постановка! – ответил за женщину прокурор. – Мной была взята распечатка вечерних радиопрограмм. Можете убедиться, что с девяти до одиннадцати часов вечера на «Домашней волне» транслировали «Убийство в доме викария» по роману Агаты Кристи.

– И в этом нет никаких сомнений? – огорчился адвокат.

– Абсолютно никаких! – расцвел прокурор. – Эта распечатка находится у меня, и присяжные могут ознакомиться с ее содержанием.

– Тогда мне нечего сказать, – развел руками адвокат.

– Прошу разрешения у суда ознакомить присяжных с выводами генетической экспертизы, – заявил обвинитель, и судья коротко кивнул ему в знак согласия.

Немиров, стоя перед присяжными, раскрыл том уголовного дела.

– Итак, уважаемые заседатели! При осмотре места происшествия на кровати потерпевшей был обнаружен человеческий волос. Короткий, темного цвета. Он был изъят, надлежаще упакован и представлен на исследование. Эксперт, тщательным образом изучив волос, сопоставил его со сравнительными образцами, изъятными у подсудимого Кренина. К каким же выводам он пришел?

Немиров прошелся пальцем по заключению, отыскивая нужный абзац, затем его лицо озарилось радостной улыбкой. Со стороны казалось, что он впервые видит выводы эксперта и искренне доволен результатами.

– Волос, обнаруженный в постели Ларисы Лежневой, мог принадлежать подсудимому Кренину! – громко оповестил он присяжных. – Степень вероятности, установленная экспертом, равна 99, 999 %. Вы понимаете, что это значит?

Присяжные понимали и кивали головами, поддерживая обвинителя. За плечами Немирова уже вырастали крылья грядущей славы.

«Если и дальше все пойдет так, – рассуждал он, – я разделаю этого сукина сына уже к концу следующей недели». Конечно, он имел в виду Лещинского...

– У защиты будут какие-либо комментарии к проведенной по делу экспертизе? – спросил судья.

Адвокат нехотя закрыл ежедневник.

– Оспаривать заключение эксперта-генетика? – переспросил он. – Помилуйте.

– Совершенно с вами согласен, – расплылся в сладкой улыбке прокурор...

– Ваша честь! Я прошу разрешения ознакомить присяжных с фотографиями места происшествия, – заявил Немиров очередное ходатайство.

Председательствующий невольно поморщился. Он видел эти снимки. Молодая девушка, задушенная в своей постели, с лицом, искаженным смертельной судорогой. Ужасная картина!

– Мнение защитника?

Лещинский оторвался от своих бумаг.

– Как посчитаете нужным, ваша честь! – небрежно бросил он.

– То есть вы ставите разрешение такого важного вопроса на усмотрение суда? – поразился председательствующий.

– Я безгранично верю в вашу мудрость, – ответил Лещинский.

С ним определенно было что-то не так. Обычно защитники горячо протестовали против обнародования в суде присяжных шокирующих фактов, к которым, прежде всего, относили фотографии с места происшествия. Дело в том, что заседатели, увидев залитый кровью пол и обезображенное тело жертвы, легко поддавались своим эмоциям. Что бы потом ни говорил защитник, какими бы цитатами он ни сыпал, они видели перед глазами только страшную картину злодеяния. Все аргументы о возможной невинности подсудимого пролетали мимо ушей, не цепляясь даже за краешек сознания. Зная эту особенность присяжных, судья не раз удовлетворял ходатайства защитников и запрещал показывать снимки прокурору. Но сегодня адвокат в своей безалаберности явно хватил через край.

Судья посмотрел на Кренина и внезапно принял решение.

– Я разрешаю показать присяжным фотографии...

Государственный обвинитель, взяв в руки пухлый том уголовного дела, подошел к скамье присяжных. Те, вытянув шеи, уставились на злополучные снимки. Некоторые заседатели, с последнего ряда, даже встали со своих мест для того, чтобы лучше разглядеть ужасающие подробности.

– Не беспокойтесь, – увещевал их прокурор. – У каждого будет возможность посмотреть фотографии.

Он победоносно взглянул на Лещинского. Но тому не было дела до всеобщего ажиотажа. Кажется, на этот раз он изучал собственный ежедневник.

Между тем присяжные разволновались не на шутку. Наиболее впечатлительные ахали, поднося руки к лицу. Те, кто покрепче, хранили молчание, но при этом выразительно посматривали на подсудимого.

В общем, когда председательствующий объявил перерыв до понедельника, накал напряжения в зале уже достиг своей высшей точки.

– Зачем перерыв? – услышала секретарь недовольную реплику. – Мы бы осудили его уже сегодня.

Глава 3

В понедельник, когда должен был начаться допрос свидетелей защиты, уже никто не ожидал сенсаций. Наблюдатели сходились во мнении, что подсудимый, конечно же, виновен. Вопрос был в одном, как скоро ему вынесут обвинительный вердикт и какую меру наказания определит судья. Интерес к делу заметно поостыл, и журналисты, имеющие особый нюх на жареные факты, уже разбежались по другим делам.

Когда за несколько минут до начала процесса в зал заседания вошла свидетельница Кренина, ее встретили не смешками и перешептыванием, а сочувственными взглядами и почтительным молчанием. Над ее головой, казалось, светился невидимый нимб мученицы, и зрители жалели ее от всей души. Не так легко быть женой богатого извращенца! Кто-то из женщин уступил ей место в первом ряду, и Василиса Павловна поблагодарила ее слабым подобием улыбки.

Процесс продолжился.

– Госпожа Кренина, прежде чем я начну допрашивать свидетеля, позвольте вам задать небольшой вопрос, – сказал Лещинский.

Кренина поднялась со своего места, невозмутимая и уверенная в себе, как и раньше.

– Сколько книг Агаты Кристи вы прочитали, прежде чем прийти на процесс?

Василиса Павловна недоуменно уставилась на адвоката, а потом уже и на судью:

– Я что, должна отвечать на такие вопросы?

– Протест, ваша честь! – спохватился Немиров. – Ответ не имеет отношения к делу.

Судья посмотрел на защитника:

– Адвокат может объяснить свой вопрос?

Лещинский улыбнулся:

– Конечно, ваша честь! – Он достал из своего портфеля небольшую потрепанную книжку и выразительно прочитал: – «Она по-прежнему сидела в кресле спиной к ним. Лишь обойдя его, они увидели ее лицо – распухшее, с синими губами и вытаращенными глазами. „Вот те на! Да она мертва!“ – воскликнул Блор». Похоже на то, что вы нам говорили, не правда ли, Василиса Павловна?

– Именно так оно и звучало, – подтвердила она.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Ну, что же! – пожал он плечами и, перевернув книжку, показал присяжным ее обложку, на которой витиеватыми буквами было написано «Агата Кристи. Десять негрят».

– Ну и что вы хотите этим сказать? – не выдержал прокурор. – Какой в этом смысл? Это же Агата Кристи!

– Верно, – согласился Лещинский. – Свидетельница воспроизвела нам дословно цитату из «Десяти негрят» Агаты Кристи, но в распечатке, которую вы нам представили в процесс, значилось, что транслировалась постановка по роману «Убийство в доме викария».

– Все равно, ничего не понимаю. Куда вы клоните?

– Сейчас все прояснится, уверяю вас. Но для начала я вызову в зал заседаний свидетеля Константина Проскурова...

Константин Проскуров был молод и красив. «Как картинка», – думали про себя женщины, оглядывая его ладную спортивную фигуру и смазливое лицо. Золотистые кудри, голубые глаза, пухлые розовые губы делали его похожим на большого ребенка. Между тем «мальчику» еще несколько лет назад минуло двадцать.

– Константин, кого вы знаете из присутствующих в этом зале?

Проскуров кинул настороженный взгляд в сторону подсудимого.

– Знаю вон того! – ответил он, ткнув пальцем в Кренина. – Видел его в телевизоре, а еще на фотографии в газете.

– А еще, Константин, кого вы знаете? – спрашивал Лещинский. – Будьте благоразумны, ведь вы находитесь под присягой.

– Еще? – розовые губки надулись, как у ребенка.

«Э-э! Да он туп, как пробка», – с облегчением вздохнули мужчины. Им не доставляло удовольствия созерцать мужскую красоту, а осознание того, что прелестный юноша обладает ко всему прочему куриными мозгами, приятно грело душу.

– Я знаком с ней! – Он ткнул пальцем в Василису Павловну.

Лицо женщины приобрело цвет томата.

– И кто же это? – спросил защитник.

– Василиса, – бесхитростно ответил свидетель. – Она, в каком-то роде, моя невеста!

По рядам пробежал шепоток. Судья стукнул молоточком.

– Тишина в зале!

– Подождите, Константин, – остановил Проскурова защитник. – Я правильно вас понял: вы собирались заключить брак с гражданкой Крениной? Когда же?

– Да когда закончится этот процесс! – выложил Проскуров.

– Минуточку, Константин! – недоумевал защитник. – Но Василиса Павловна, между прочим, замужем. А вон тот господин на скамье подсудимых – ее муж.

– Знаю, – ответил свидетель. – Но она разведется с ним, когда его посадят, и выйдет замуж за меня.

– Что, она сама так и сказала?

– Да, она сказала. Еще она говорила, что я намного лучше его... во всех отношениях. Ну, вы понимаете, о чем я говорю?

– Не совсем. Поясните.

– Ну, в смысле секса. – Он облизнул пересохшие губы.

– Ах, вот оно что! – воскликнул защитник. – А ее муж, стало быть, уже никуда не годится?

– Примерно так она и говорила. Полный ноль! Ей приходилось даже покупать кассеты для того, чтобы удовлетворять себя. Представляете?

– А что это за кассеты? – осторожно поинтересовался защитник.

– Ну, специальные кассеты с групповухой. Понимаете?

– Вздор! Это кассеты ее мужа, – возмутился Лещинский.

– Ну, конечно! – захихикал свидетель. – Зачем бы тогда она их прятала в ящике со своим нижним бельем?

– Дурак! – раздался громкий и отчетливый голос с первого ряда.

– Госпожа Кренина, потрудитесь держать эмоции под контролем, – сказал судья. – Недолго вас вывести из зала.

Присяжные уставились на Василису, пытаясь осознать только что услышанные факты. Как эта ангелоподобная женщина умудрилась вляпаться в самую грязь? Сидевшие рядом с ней мужчина и женщина отодвинулись в сторону, словно боясь испачкаться.

На лицо Константина набежала тучка. Он затравленно посмотрел на свою госпожу, ожидая очередной нахлобучки.

– Но, Василиса, – капризно протянул он, – ты же сама говорила, что нам некого стесняться?

Лещинский охотно согласился:

– Абсолютно некого! Здесь все свои. Но ответьте, что скажете вы про мужа вашей любовницы?

– Что сказать? Обыкновенный мужик. Целый день торчит на работе, – пожал плечами Проскуров.

– Тут утверждали, что он занимался не только работой, – многозначительно произнес Лещинский, поглядывая на своего подопечного. – У него была любовница!

– Знаю. Ларка! – ответил Константин.

– В каком смысле вы ее знаете?

– Да в прямом. Встречались с ней пару раз. Скажу вам, она была еще та штучка! Все жениха себе богатого искала. Но я, понятно, не из той породы. Поэтому у нас ничего не вышло. Правда, триппером она меня все же наградила.

– Вы имеете в виду гонорею? – брезгливо сморщился защитник.

– Ее, лихоманку! – подтвердил свидетель. – После этого я завязал с молоденькими. С ними одна морока!

– Ну, так что вы еще скажете про Ларису Лежневу? – вернулся к прежней теме защитник.

– А ничего не скажу! Спуталась она с Крениным. Видимо, ожидала, что он женится на ней. Василиса через нее кучу неприятностей пережила. Ревновала страшно.

Лещинский украдкой взглянул на присяжных. Теперь уже свидетельство о душевных муках госпожи Крениной не вызвало в них положительного отклика.

– Погодите, Проскуров! Как же она ревновала своего мужа, если, как вы утверждаете, Кренина была влюблена в вас?

– Уж не знаю, как это у нее получалось. Но она говорила, что отольются ему ее слезки, что он будет жалеть о своем блуде до конца жизни. Но ведь обманутую женщину легко понять!

– Конечно, конечно! – заверил защитник, многозначительно поглядывая на присяжных. Кренина сидела, полыхая румянцем.

– Вам известно, что Лара Лежнева мертва? – спросил защитник.

– Как не знать! Не повезло ей, – изрек Проскуров.

– Но вам известно, кто ее убил?

Лицо Константина выразило искреннее недоумение.

– Конечно, известно! Об этом во всех газетах пишут. Лару убил Кренин, разве не так?

– Да, об этом пишут в газетах, – согласился Лещинский.

– А если так пишут, значит, это и есть правда! – убежденно воскликнул Проскуров. – Не думаете же вы, что это сделала Василиса?

– А почему бы и нет? – защитник даже удивился своему внезапному открытию. – Ведь вы что-то говорили об ее ревности?

– Э-э, нет! – всполошился вдруг молодой любовник. – Василиса на это не способна. Мало ли что я вам говорил!

– Господин Проскуров, каждое произнесенное вами слово записывается в протокол! – сурово сказал Лещинский, кивая в сторону секретаря. – Вы только что сказали нам, что у вашей подруги был мотив желать смерти Ларисы Лежневой.

– Да что это вы! – испугался пуще прежнего Константин. – Не делала она это, поверьте. Кроме того, у нее есть алиби. Вот!

– Алиби?! – не поверил своим ушам Лещинский. – А вы хотя бы понимаете значение слова «алиби»?

– Понимаю, не дурак, – едва оправился от шока Проскуров. – Это значит, что Василиса была в другом месте в тот момент, когда убивали Ларку. Ведь это правильно?

– Примерно так, – неохотно согласился Лещинский. – Ну и где же была Василиса Павловна?

Константин набрал полную грудь воздуха.

– Она была со мной! – громко выдохнул он и уставился на присяжных.

Лещинский покровительственно улыбнулся.

– Хорошенькое же алиби! Василиса Павловна была с вами. – Он обернулся к заседателям, словно призывая их посмеяться над заявлением свидетеля. И на самом деле на лицах многих из них появилась легкая улыбка.

Не до смеха было разве что государственному обвинителю. Немиров еще не понимал, куда ведет Лещинский своего свидетеля, но нутром чувствовал, что сейчас произойдет нечто такое, что перевернет его дело с ног на голову. Он рано расслабился, поверив вдруг, что знаменитый защитник выдохся. На самом деле бездействие Лещинского было не чем иным, как хорошо отрепетированным спектаклем, в котором он, прокурор Немиров, сыграл роль тряпичного Петрушки.

В это время драма разворачивалась, как по заранее написанному сценарию.

– Нет-нет! – возмущался Проскуров тому, что его подняли на смех. – В вечер убийства Лежневой мы были вместе. Найдутся свидетели, которые смогут подтвердить это, ведь мы были на премьере нового фильма!

– Да почему же вы раньше об этом не сказали?! – Лещинский вмиг стал серьезным. – Это ведь в корне меняет дело.

– Правда?! – обрадовался Проскуров.

– Конечно, – заверил его защитник. – А то Василиса Павловна сказала нам здесь, что в вечер убийства была у дома Ларисы, и я, грешным делом, уже подумал...

– Нет-нет! – замахал руками Проскуров. – Она оговорила себя. Мы были вместе. Вы не представляете, у меня даже билеты сохранились. Кто бы мог подумать, что они нам так пригодятся!

– Ну, тогда, разумеется, какие могут быть сомнения!

– Я так рад, что вам помог! – искренне заявил Проскуров.

Прокурор едва сдержался, чтобы не застонать от отчаяния. Этот невесть откуда взявшийся дурачок ломал ему все дело...

Дальнейшее запечатлелось в сознании государственного обвинителя отдельными фрагментами:

...– Прошу приобщить к материалам дела вещественные доказательства – билеты на премьеру фильма «Куда приводят иллюзии», – говорил Лещинский хорошо поставленным голосом судебного оратора. – Обратите внимание, господа присяжные, на время сеанса. Девять часов вечера того самого дня, когда убили бедную Лару.

Присяжные из рук в руки передавали маленькие голубые бумажки с четким оттиском времени и даты кинопремьеры.

«А куда завели меня мои иллюзии?» – рассуждал прокурор...

– ...Прошу приобщить к материалам дела фотографии известного репортера газеты «Неделя» Бориса Гофмана, сделанные в ходе презентации нового кинофильма, – солировал Лещинский. – Господа присяжные, поглядите хорошенько. Вот наша «звездная пара» с удовольствием позирует на красной ковровой дорожке, напротив красочной афиши с названием фильма. Конечно, откуда им знать, что в этот момент совершается преступление?

Присяжные рассматривали снимки.

– Протест, ваша честь! – вяло сопротивлялся прокурор. – Фотографии необходимо исследовать. Может быть, это фотомонтаж?

Лещинский широко улыбнулся:

– Исследуйте, я не возражаю!

Из небытия выплыл голос Крениной.

– В этом нет смысла. Снимки подлинные. – Она была бледна, как смерть, и с трудом сохраняла самообладание. Достаточно было лишь взглянуть на нее, чтобы понять: все, что она говорила до этого, ложь...

– Прошу приобщить к материалам дела протокол осмотра места происшествия, – продолжал Лещинский. – Был осмотрен автомобиль «БМВ», принадлежащий господину Кренину. У него на самом деле был помят задний бампер, о чем, как вы помните, нам говорила его супруга. Но вот незадача! Происшествие произошло за два дня до убийства Лары Лежневой. Подсудимый был неосторожен и, совершая маневр задним ходом, наехал на скамейку. Только это произошло не у дома Ларисы, а на парковке у супермаркета «Алый». Между прочим, все это зафиксировано сотрудниками ГАИ. Правда, прискорбный факт, Василиса Павловна?

Лещинский улыбнулся, а свидетельница спешно отвела взгляд...

– Прошу приобщить к материалам дела справки из кожно-венерологического диспансера в отношении свидетеля Проскурова и потерпевшей Лежневой. Они на самом деле обращались за медицинской помощью, – защитник достал из папки бланки, заверенные печатями лечебного учреждения. – Кстати, Василиса Павловна, тут есть кое-что про вас.

Присяжные только поморщились...

Во второй половине дня, во вторник, Кренина не выдержала.

– Прошу освободить меня от дальнейшего присутствия в процессе, – попросила она, умоляюще глядя на судью. – Мне нехорошо.

– Все, что я могу сделать для вас, это предложить стакан воды и помощь врача, если она, конечно, требуется, – сухо отозвался тот. – Вы – главный свидетель обвинения, и я просил бы вас оставаться в зале до окончания судебного следствия. У сторон могут возникнуть к вам дополнительные вопросы.

Склонив голову так, словно не ее муж, а она сама находится на скамье подсудимых, Василиса Павловна подчинилась.

От взгляда присяжных не укрылось, какие разительные перемены произошли с главной свидетельницей обвинения в последние дни. Кренина потеряла былую невозмутимость, вся как-то сжалась, потухла. Даже ее внешний вид, безупречный и цветущий в первый день появления на процессе, теперь свидетельствовал о серьезном душевном разладе. Волосы выбились из прически и свисали на лицо неаккуратными прядями. Под глазами залегли тени. Уголки рта, как на театральной маске, опустились вниз. Она казалась больной и старой. Ей отвратительно не шел ее розовый брючный костюм.

Крениной стоило немалых сил находиться в зале среди людей, которые едва терпели ее. Ведь в их глазах она была не просто лгуней, а виртуозной притворщицей, бессовестно манипулирующей искренними человеческими чувствами. С самого начала она без особого труда перетянула на свою сторону большинство присяжных, заставив их сочувствовать и переживать. Как выяснилось позже, ее страдания оказались лишь театральной трюком, при помощи которого она собиралась оболванить зрителей. Этого они ей простить не могли...

Время прений подошло незаметно.

Прокурор, выступая с заключительной речью, был многословен и красноречив, но в его громком голосе, без труда покрывающем огромную площадь судебного зала, слышалось отчаяние. Он ловил ускользающую из его рук удачу так, как это делает утопающий, манипулируя соломинкой и ожидая, что она вдруг превратится в прочный канат. Немиров еще верил в победу, со страхом ожидая выступления своего процессуального оппонента Лещинского.

– Уважаемые господа присяжные! – начал защитник свою речь и по обыкновению подошел к ним ближе, оставив на столе все свои записи. Он не нуждался в шпаргалке. – Вас наверняка удивило то, что в первой части нашего судебного следствия не произошло поединка.

По глазам присяжных он видел, что они ждут продолжения.

– Я внимательно изучал то, что обвинение сможет представить в оправдание своей нелепой позиции. Теперь я понял, что никакого дела у прокурора попросту нет. Оно лопнуло, как мыльный пузырь!

Лещинский изобразил руками что-то очень похожее на шар, поднес к нему палец. Присяжные могли поклясться, что слышали хлопок.

– С самого начала государственный обвинитель избрал хитрую тактику, пытаюсь разбудить в вас не самые добрые чувства по отношению к моему подзащитному. Подсудимый Кренин, видите ли, занимал ответственный пост! – Он развел руками. – Согласен. Но позвольте напомнить вам, что вы судите Кренина не за то, что в ваших подъездах всегда отсутствуют лампочки и глазки залеплены жевательной резинкой. Вы судите его не за загаженные лифты и заплыванные лестницы, которые, кстати говоря, загадили и заплывали мы сами. Смотрите-ка, ну что за напасть! – Адвокат поднял ногу, продемонстрировав присяжным подошву своего дорожного ботинка.

Все желающие могли увидеть розовую жвачку, растянувшуюся, как и полагается, на невероятную длину.

– К сожалению, это прелести нашего быта! Общий подъезд, – посетовал он, ловко отделяя резинку от ботинка. Зачем присяжным нужно было знать, что подошвы маститого защитника давно топчут пол собственного особняка? – Какая гадость! – сморщился Лещинский, упаковывая жвачку в бумажку. – И что мне, винить в этом нашего подсудимого?

Присяжные заулыбались, а лицо Немирова исказилось: «Вот ведь хитрый черт! – подумал он с неприязнью. – Как ему удался этот трюк с жевательной резинкой?»

– Так давайте отвлечемся от мыслей о нашем неустроенном быте и взглянем на проблему по-другому: Кренина обвиняют *визнасиловании и убийстве!* Только вдумайтесь в эти слова, а потом взгляните на подсудимого. Похож он на особо опасного преступника? Разумеется, это нелепость! Кренин стал жертвой банальной женской ревности. Вы знаете, какая это страшная вещь?

На лицах мужчин присяжных отразилось искреннее понимание.

– Милые дамы, конечно, скажут, перефразируя выражение известного персонажа: «Наказания без вины не бывает. Пусть вовремя со своими женщинами разбирается и волосы не выбрасывает где попало!» Но будьте же милосердны! Мы судим Кренина не за то, что он изменял своей жене. За ним этот грех, конечно, был. Поэтому я не терзал вопросами свидетелей обвинения, которые, если говорить начистоту, смогли доказать только один факт – у Кренина и Лежневой были близкие отношения. Он иногда навещал ее дома. Отсюда и происхождение того самого злополучного волоса, о котором так долго и красиво говорил государственный обвинитель. Откуда мы можем знать, когда этот волос там появился? В тот самый вечер, накануне или за неделю до происшествия? Сомневаюсь, что Лежнева меняла постельное белье каждый день...

Кое-кто из присяжных кивнул. Справка из вендиспансера сделала-таки свое дело. В чистоплотность потерпевшей теперь мало кто верил.

– Супруга нашего подсудимого, снедаемая ревностью, решила на отчаянный шаг – оговорить Кренина и тем самым наказать его за неверность. Для этого ею была продумана полная версия событий того рокового вечера. В ловкости Василисе Павловне не откажешь. Она потрудилась изучить даже программу радиопередач для того, чтобы ее слова прозвучали в суде убедительно. Вот только, торопясь, она допустила промашку. Желая поразить наше воображение цитатой из Агаты Кристи, услышанную так кстати, она перепутала произведения, взяв за основу совсем другой детектив. Это еще раз доказывает, что наша героиня передачу не слушала, поскольку находилась в то время в другом месте.

Глаза присяжных вновь обратились к свидетельнице обвинения. Но к их вящему негодованию, бесстыдница успела достать из сумочки солнцезащитные очки и теперь сидела прямо, вперив в присяжных непроницаемые темно-коричневые стекла.

– Вы спросите меня, кто же тогда убил Ларису Лежневу? – вопрошал тем временем Лещинский. – Отвечу прямо. Я не знаю! И это не моя задача – найти виновного. Я забочусь

лишь о том, чтобы не произошла судебная ошибка и невиновного человека не осудили за преступление, которое он не совершал.

Здесь сидит государственный обвинитель, человек опытный и компетентный. Он-то знает, что еще в ходе предварительного следствия нужно было установить круг знакомых Ларисы и определить, кто из них мог быть причастен к ее гибели. Очень жаль, что это не было сделано. Теперь-то вы понимаете, что, несмотря на свой юный возраст, потерпевшая была опытна в любовных делах и жертвой ее чар пал не только наш бедный подсудимый. Кренин любил ее искренне и собирался жениться. Но Ларочка обманывала его, принимая в своей постели посторонних мужчин.

Немиров пропустил мимо ушей комплимент по поводу своей компетентности. Он вглядывался в лица присяжных, надеясь заметить в них хотя бы малую толику скептицизма. Но заседатели, как зачарованные, шли за защитником, повинувшись его воле: смеясь над его шутками, замирая в тех местах его речи, где доводы требовали осмысления. Лещинский завладел ими целиком и полностью.

– ...Мы признаем подсудимого невиновным! – прозвучал голос старшины присяжных, и публика едва удержалась от того, чтобы не зааплодировать стоя. Лещинский опять победил!

– Ну, что же! – Судья поправил воротничок мантии. – Основываясь на оправдательном вердикте присяжных, прошу освободить подсудимого немедленно, в зале суда.

Щелкнул засов, выпуская на свободу господина Кренина. Шмыгнула носом какая-то сентиментальная старушка с первого ряда. Процесс подошел к концу. Публика потянулась к выходу...

Глава 4

На крыльце Лещинского и Кренина плотным кольцом обступили журналисты. Щелкали вспышки. Раздавались нетерпеливые вопросы, слышались поспешные комментарии.

«Мы ведем репортаж у Дворца правосудия, где только что был оглашен вердикт присяжных по громкому делу известного чиновника из администрации города...»

«Лещинский опять одержал победу. Это человек – загадка! Он никогда не повторяется. Несколько раз за процесс у нас возникало впечатление, что шансы защиты невысоки...»

«Конечно, известный защитник, обнаружив некоторые сомнительные страницы жизни потерпевшей, мог бы пощадить чувства родственников, но победителей, как известно, не судят...»

Лещинский привычно улыбался, находясь в самом эпицентре журналистского сообщества. Он охотно позировал перед фотокамерами, отвечал на провокационные вопросы и даже дал несколько автографов для самых горячих почитателей его таланта.

Конечно, известный адвокат не обратил внимания на мужчину, стоявшего в стороне, у самой лестницы. Тот мрачно взирал на всеобщий переполох, и с его лица не сходила какая-то странная болезненная гримаса...

Лещинский, забросив цветы на заднее сиденье своего автомобиля, уже собирался сесть в салон, как вдруг чья-то крепкая рука придержала его за локоть. Это была вопиющая бесцеремонность, и обычно адвокат такого обращения к себе не терпел, но сегодня, увидев того, кто вздумал чинить ему препятствия, он только улыбнулся.

– Ах, это вы, Лежнев! – только и сказал он. – Выражаю вам свои соболезнования, но такова жизнь. Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Сегодня лузером оказались вы. Воистину трагично!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.